КРОКОДИЛ

№ 1 (1687) • ГОД ИЗДАНИЯ 41-Й • 10 ЯНВАРЯ 1963

Рисунок В. ГОРЯЕВА
по теме читателя В. Гарина

— Еще раз укусишь — буду жаловаться в ЦК!

НА ГРЕБНЕ ВАЛА

ТЕРКА ДЛЯ МУСОРА

К редактору газеты влетело молодое длинноногое дарование. В руках дарования плясал блокнот.

— Вот факты! — застрекотал кузнечиком юный репортер.— Завод металлоизделий. Колоссальный успех! Двести тонн вместо семидесяти. Представляете, вал! План!

— Так, отлично,— сказал редактор.— Но что он, собственно, выпускает, завод?

— А я, собственно, не знаю,— сказал репортер, глядя на редактора чистыми голубыми глазами.

А завод выпускал кухонные терки без дырок. Которые можно было использовать разве как совки для домашнего мусора.

Хорошее слово «вал»! Отличное слово «план»! Но когда человек переступает порог магазина, эти слова его как-то не волнуют.

Сколько ни подсовывай ему сверхплановые показатели, он упрямо отказывается от терки без дырок. Как ни радуй его валом, он не возьмет пальто, у которого карман пришит к хлястику.

— Но зачем напрасно ломать перья! — воскликнет просвещенный читатель.— Это же всем, решительно всем очевидно.

К сожалению, не решительно. К огорчению, не всем.

ХЛЯСТИК НА ВОРОТНИКЕ

Школьник, он шустрый. Проснулся, встрепенулся, как воробей,— и в класс. И все бегом, бегом, даже застегнуться некогда.

Дирекция Ивановской швейной фабрики № 5 эту детскую слабость понимает. Понимает и вывод делает. Дабы пособить школьницам, петли на пальто делают, как игольное ушко. А пуговицу присобачивают, что твое блюдце. Большое полегчание для детворы.

И хорошо ему, шустрому школьнику. Особенно, ежели он при пальто Березниковской швейной фабрики. В нем и в сутробе поваляться не страшно и с ледяной горки без санок скользить не боязно. Не испортишь, не деформируешь, потому как оно, пальтишко, уже на фабрике скособочено. Не все пальто, разумеется, а из десяти — семь.

Пожурили работников фабрики за нерадивость. А те в амбицию: вот мы вам ужо плащей понаделаем! И понаделали: что ни плащ, то мешок из-под картошки, но с рукавами. Брак на все сто. Но зато план тоже на все сто. Ну и вал соответственно.

Та же картина и в той же раме на швейной фабрике имени Кирова в г. Орджоникидзе. И на фабрике имени Клары Цеткин в Пензе. И там и тут пошив на грани курьеза. Иные шутники забывают прострочить швы на женских платьях. Придешь в таком платье на пляж, вдохнешь озона полной грудью, а платье с тебя и посыплется. Для загара оно, конечно, удобнее. Однако в платьях ходят не только к морю.

А по части мужских пальто пензяки, как говорится, хлястики съели. Нету хлястика. Вернее, на месте нету. А пришит он где-то поблизости от воротника. Борта у чудо-пальто висят, ровно уши у побитой собаки, а подкладка собралась гармошкой. Чем и зачем его шили, решительно непонятно.

ГЛУХОНЕМАЯ ЧАЙКА

Чайка, конечно, не соловей. Но не эта азбучная истина понуждает руководителей великолукского радиозавода ежегодно бить челом в совнархозе на предмет снятия магнитофона «Чайка» с производства. Просто магнитофон, сойдя с конвейера, как правило, предпочитает оставаться глухим к записи звуков и немым к их воспроизведению.

Итак, магнитофоны молчат. А их владельцы, огорченные беспардонным уводом денег из семейной кассы, подымают шум. Каленые монологи, начатые в кабинете директора магазина, овеществляются актами рекламаций и, ехидно шурша, подводят руководство радиозавода под выговоры и иные административные воздействия.

А ведь когда-то все было хорошо. В Великих Луках делали приличные радиоприемники и не делали глухонемых магнитофонов. Но на магнитофоны, как известно, спрос. А спрос, он превыше всего.

И в Великих Луках стали выпускать «Чайку». По модели, до кондиции не доведенной, и средствами производства, к этому не подготовленными.

Покупатель начал произносить монологи.

Торгующие организации принялись составлять рекламации.

Завод перестал выполнять план по готовой продукции, но стал перевыполнять его по изготовлению бракованной.

А спрос, который превыше всего, так и не обрел ожидаемого в совнархозе насыщения. «Чайка»-то молчит.

ЗОЛУШКА И ВОДОЛАЗ

Если кому-либо из жителей города Кузнецка сказать, что кто-то находится под каблуком жены, он придет в ужас. Оно и резонно. Ибо женский каблук местной обувной фабрики весит... 400 граммов! Сами туфельки «кузнецкая золушка» потянут на два кило. Есть от чего ужаснуться.

Ну а на радость мужскому населению Октябрьская фабрика Башкирского совнархоза производит летние сандалеты на резине толщиной в словарь Ожегова. Эту модель жители сердечно называют «водолаз». Сто метров прогулочным шагом в подобных ботиночках дают владельцу право на получение значка «ГТО» второй ступени. Впрочем, это даже маловато, если учесть летнюю жару и вес сандалет — почти четверть пуда!

В общем, тяжело. Но тяжело только физически. А потребителям штиблет из свиного хрома производства Краснодарской фабрики тяжело еще и морально. Эти несгибаемые, громыхающие, словно фанерные ящики, штиблеты цвета цементного раствора может носить разве только коверный на манеже. Так зачем же издеваться над простыми смертными? Пусть даже по плану. Пусть даже сообразуясь с валом.

ПЕРВОСОРТНЫЙ... БРАК

Назови иного бракодела растратчиком, так он на вас в суд подаст. Я, мол, деньги гроблю не нарочно, а по объективным причинам. А в общем-то я стараюсь, принимаю все меры и прочее.

Не верьте. Не принимают бракоделы все меры и прочее. Процент для них дороже и ближе (к левому боковому карману), чем безоружный ропщущий потребитель. И примеров тому тьма. Только за девять месяцев 1962 года Государственная комиссия по качеству и торговле запретила двадцати восьми швейным фабрикам отгружать горе-продукцию.

Но бракодел не перековался. Не осознал. Более того. Если в сентябре 1962 года из каждых десяти швейных изделий одно получалось комом, то в октябре браком стало уже каждое пятое. Это убытки. Большие убытки. Но, к сожалению, далеко этим не исчерпывающиеся.

В магазинах и на складах Российской Федерации мирно покоятся без какой бы то ни было надежды увидеть свет 300 тысяч костюмов на сумму 30 миллионов рублей. И пальто на сто миллионов рублей с хвостиком. Сшиты по ГОСТу. Ни перекосов, ни деформаций. Словом, первый сорт. И все же это и первосортный брак.

Когда-то костюм из шевиота брали с боем. Лет десять—пятнадцать назад. Сейчас от шевиотовых шедевров с боем же отбивается и продавец и покупатель. Не напялишь теперь его даже на самого дремучего дядю. Не хочет дядя шевиота. Не хочет и полосатого матрацного трико. А промышленность жаждет давать именно шевиот и полосатое трико. Жаждет и дает. Так оно способнее, привычнее, бесхлопотнее.

Швейникам, вслед за текстильщиками, тоже способнее, бесхлопотнее и привычнее шить, скажем, тот же затоваренный миллиончик мужских и женских пальто по моде и лекалам купеческого Замоскворечья. От Замоскворечья давным-давно следа не осталось, а длиннополые прадедушкины одежки продолжают как ни в чем не бывало сходить с конвейера. Сойти-то сойдут, а дальше — ни с места. Так и зацепятся намертво за крючки оптовых и прочих складов. Покупателям они без надобности.

Впрочем, директоров швейных и текстильных фабрик это не волнует. Работают они по ГОСТам, план перевыполняют и устремляются на гребне вала к премиям и даже к переходящим знаменам. Чего же им волноваться! Волнуются покупатели. Бегают они, сердечные, от витрин домов моделей к прилавкам магазинов и чертыхаются: несоответствие. Разительное. Потому что брак хоть он и первосортный, хоть и по ГОСТу, а все-таки брак и больше ничего. Так зачем же, спрашивается, производить терки без дырок, если даже на них есть план, но нет спроса?!

Ю. АЛЕКСЕЕВ,
Г. СОМОВ

Владимир ФЕДОРОВ

Модная болезнь

На восток навстречу вьюгам
Мчится юность — хватит сил!
Только стильным двум
подругам,
Меркантильным двум подругам
Запад головы вскружил.

В уши лезет шепоточек:
«Я сегодня не усну!
Мне бы импортный кусочек,
Ну, хотя б один платочек,
Ну, булавочку одну!»

Что Сибирь — пустое место!
Что им «дикий» Енисей!
Тени прячутся в подъезды:
Перезрелые невесты
Ищут импортных мужей.

Млеет сердце, вянут уши:
Их манит заезжий джаз.
О неоновые души,
О нейлоновые туши,
Что ж советского у вас?..

Эпиграммы

АЛОВА-ДУШКИНА

О цветы неземной красоты!
Эта девочка с траурной лентой
Поливает сиропом цветы
На могилках святых декадентов.

КАЧАЕВ-СЛЕЗКИН

Жил тенорок с душой надрывной,
Как пыль, был радиоактивный.

КРИТИК ЗУБОТЫЧКИН-СИРОНСКИЙ

Сначала изувечит,
Потом увековечит.

СЦЕНАРИСТ РЕВЕРАНСОВ

Один мужчина светский,
Закройщик от эстетики,
Кроил на лад советский
Парижские сюжетики.

ОТКУДА ТАКИЕ!

— Откуда вы? Чем дышите?
О чем вы, детки, пишете?
— Слегка из комсомола мы,
Чуть-чуть из коктейль-холла мы.

РОМАНИСТ НЕПЫЛАЕВ

Скрестив Амура
С арматурой,
Изготовляет
Конъюнктуру.

ВСЕХ ПЕРЕПЛЮНУЛ

В литературу
Он вошел,
Как входят в баню —
Нагишом.

ВОЗНЕССЯ...

Рисунок А. КАНЕВСКОГО

В ДВЕ РУКИ

Руке берущего еще хватает дела.

Рука дающего еще не оскудела!

Рисунок КУКРЫНИКСЫ

СКОЛЬКО СТОИТ УХА?

Каких только удивительных историй не услышишь от рыболовов-любителей! Одно лишь не отважится утверждать самый заядлый рыболов. А именно—что он когда-либо выбросил свой улов в воду. Если он решится заявить нечто подобное, то будет с ног до головы осмеян своим же братом-любителем.

А рыбакам-профессионалам в этом отношении куда легче. Рассказы капитанов рыболовных сейнеров и траулеров о выброшенных в море центнерах рыбы столь же достоверны, как, скажем, факт происхождения человека от обезьяны.

Да и как тут спорить! Только за один месяц рыбаки Примрыбаккоядхозсоюза выловили, а затем благополучно отправили за борт 640 центнеров рыбы. А месячный план остался невыполненным.

Впрочем, на Тихом океане бывают чудеса похлестче. Например, суда Примрыбпрома в августе и сентябре выбросили за борт около 2 500 центнеров отличной сайры. Если бы эту рыбу вывалить не в океан, а в огромную кастрюлю и сварить из нее уху, то можно бы накормить, по самым скромным подсчетам, полмиллиона человек.

— А что вы хотите! — сказал нам капитан сейнера, старый морской волк, не верящий ни в бога, ни в черта, ни в благожелательные циркуляры.— Приходилось вам прогуливаться по улице в брюках, у которых одна штанина нормальной длины, а вторая едва доходит до колена? Не приходилось? А нам, рыбакам, приходится. Ибо длинная штанина — рыбодобывающий флот, а укороченная — рефрижераторный и рыбоперерабатывающий.

Капитан был суров и мрачен, как девятый вал на картине Айвазовского, но говорил правду. Рыбодобывающим судам на Тихом океане несть числа. Но это не беда. А то беда, что бедняги траулеры и сейнеры во время путины вынуждены буквально отталкивать друг друга бортами, чтобы сдать рыбу рефрижераторным судам, рыбоперерабатывающим плавбазам и береговым рыбозаводам. Те и хотят, да не могут обслужить неуемных добытчиков. Короткая штанина подводит длинную.

— А мы при чем? — говорят рефрижераторники и рыбопереработчики.— Что нам эту рыбу, по карманам рассовывать? У нас у самих ее только за девять месяцев испортилось 7 644 центнера, этак на четверть миллиона рублей. Не успели переработать.

Кто же кроит и шьет для тихоокеанской промышленности брюки с укороченной штаниной? Есть такие закройщики! Они заседают и в Госплане РСФСР, и во Всероссийском совете народного хозяйства. Вот им мы и советуем подсчитать, во сколько миллионов рублей обходится государству каждый год несваренная уха из выброшенной и испорченной рыбы.

В. КУЦЫЙ.

г. Владивосток.

Юрий БЛАГОВ

Одному только богу известно...

Агитаторы наши в былые года
По большим городам и по селам
В наступленье на бога ходили всегда
С комсомольским азартом веселым.
С ними песня была, и куплет, и памфлет,
Было ярко, смешно, интересно...
Почему же теперь прежней удали нет,—
Одному только богу известно!

В крупном хоре солист-баритон ущемлен:
Мало занят в концертной программе.
Исходя из потребностей творческих, он
Допевает по праздникам в храме.
Там без устали тембр демонстрирует свой,
С окружением спевшись чудесно...
А имеет ли голос местком хоровой,—
Одному только богу известно!

Как хорош Дом культуры в районе одном!
Ценных лекций провел он немало,
Про инжир, про Алжир, про лечение сном,
Про полезные свойства крахмала.
Про Луну, целину, детский хор, кругозор —
Все солидно, доступно, уместно...
Но когда про сектантов пойдет разговор,—
Одному только богу известно!

Выполняет свой план в нашем городе храм,
Несмотря на живучее мненье,
Что в космический век собираются там
Лишь кликуши одни на моленье.
А туда коммунист заходил не один,
Там не только по праздникам тесно...
Сколько ж в храме венчаний прошло и
крестин,—
Одному только богу известно!

Да, безбожников многих нельзя в наши дни
Заподозрить в воинственном пыле:
О свободе религии помнят они,
А свободу безбожья забыли.
Дескать, вера — весьма деликатный вопрос,
Тут в атаку идти неуместно...
И когда в атеистов вселился Христос, —
Одному только богу известно!

Пока спали дети...

— Захватчики! — бегая по кабинету, истошно вопил директор опытно-картофельной станции кандидат сельскохозяйственных наук Плешанов. Он получил донесение, что на территории станции расположился пришкольный участок школы № 33 и руками учеников разбит сад.

В кабинет был срочно вызван агроном Панкратов.

— Забирай всех умеющих держать топор и пилу. Начнем с сада. Декоративных и плодово-ягодных не жалеть! — напутствовал директор бравого агронома.

В сад ворвались на рассвете.

— Руби, круши! — гремел в утренней тишине воинственный клич Панкратова.

Молодцы старались. Рубили сплеча яблони, выдергивали, как сорную траву, тоненькие вишни, предавали огню кусты золотистой смородины.

Когда школьники пришли на уроки, операция была закончена. Сад представлял собой кладбище деревьев. Рыцари картошки, утирая пот, предостерегающе кричали детям:

— Будете знать, как на нашей земле сады разводить!

А. ДУХИНА,
Л. МАКСИМОВА и др.

г. Симферополь.

ВИЛЫ В БОК

ЗАРАПОРТОВАЛСЯ...

Из Назаровского района Александра Ивановича Теплова за развал совхоза перебросили на исправление в соседний, Ачинский район. Чтобы искупить свою вину, он должен был поднять до уровня передовых Нагорновский совхоз.

У нового директора дела пошли как по маслу. Обязался первым отрапортовать начальству об окончании уборки сахарной свеклы:

— Докладываю, свекла убрана.

И тут же по отделениям пошла команда:

— Свеклу... запахать.

Но упрямый корнеплод уродился такой, что никак его не удалось упрятать под землю. Его прячут, а он снова вылезает на поверхность.

Поглядели-поглядели чабаны Зерцальской бригады Михаил Лукич Лященко и Антон Платонович Елфимов да запустили на 20-гектарный массив неубранной свеклы отару овец.

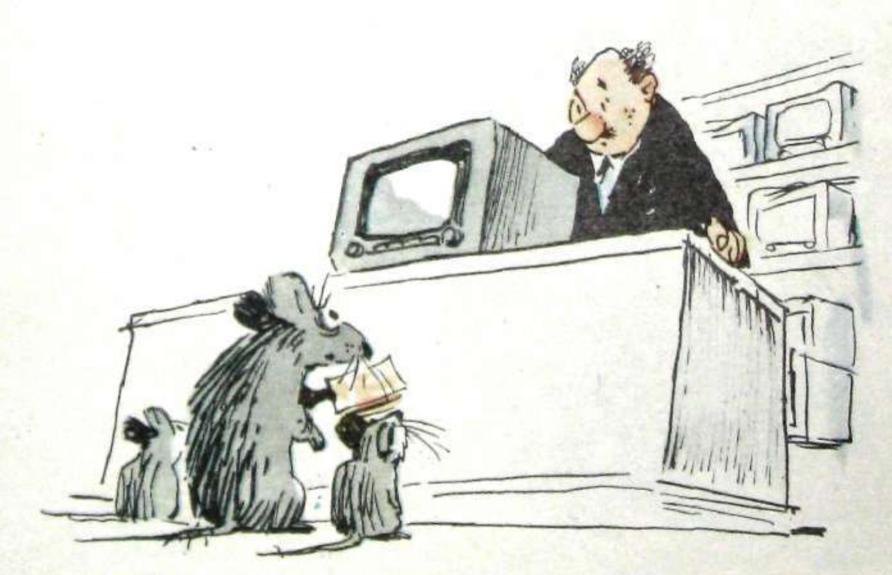
— Не пропадать же такому калорийному корму!

Но не успели барашки «убрать» всю свеклу. Им помешала зима-злодейка. Налетела, окаянная, и запорошила сладкие корни снежком.

Вот теперь нужно рассудить: кто повинен в гибели свеклы — медлительные овечки или зимушка-зима?

Н. СЕЛИНЕВИЧ

г. Ачинск, Красноярского края.

— Вот мы тут сложились на телевизор... У нашего кота бессонница.

Рисунок Е. МИГУНОВА

Свинки и пасынки

— Ну-с, ежели нет возражений со стороны мотора, можно трогать.

Это сказал шоферу друг мой Колька. Ехали мы оба в совхоз «Азовский». Собственно, ехал-то я, а Колька присоединился как попутчик, ему нужно было дальше. Но «Азовский» был ему хорошо знаком, и поэтому он пичкал меня советами всю дорогу:

— Ты послушай меня, не ошибешься. Будешь проверять в совхозе факты, учти, что факты — это не штаны.

— В каком смысле не штаны?

— А в таком, что факты наизнанку не вывернешь, хоть тресни. А факты таковы: в «Азовском» отличные специалисты. Свое дело крепко знают. Теоретически подкованы. Практически — смекалисты до удивления. А уж трудолюбивы, точно муравьи!.. Что ухмыляешься? Думаешь, иронию навожу? Нет, браток, истинная правда. Возьмем хотя бы главных: директора Зайцева, зоотехника Красного, инженера Ланина, ветврача Зверева. Ведь какой это народ! Коли для дела нужно, сами наперегонки мчатся в бухгалтерию фураж выписывать. Сами его в кладовой по-скорому получают. Больше того, сами живность кормят. Курица, к примеру, набивает свой зоб, а директор лично следит, нет ли у хохлатки пониженного аппетита. Или там корова. Жевала-жевала, и вдруг глаза у нее затуманились печалью. Инженер Ланин тут же смекает, что буренка водички пожелала испить. Сам позаботится, напоит: пей, мол, кормилица.

— Пусть так,— пожал я плечами.— Но каковы результаты?

— Превосходные! — воскликнул друг Колька.— Хрюшке едва стукнуло десять месяцев, а в ней уже восемь пудиков с гаком. Не всякому знатному свинарю удаются такие привесы, каких запросто достиг главный ветврач Николай Александрович Зверев. Недавно, когда его подопечную хавронью в город под нож увозили, так у него в глазах слезы гордости дрожали.

— Погоди! — остановил я друга.— Но действует ли их личный пример на...

— На других? Еще как! — подхватил Колька.— Обязательно познакомься поближе с заведующим птицефермой Гавриилом Павловичем Удовенко. Человек, можно сказать, день и ночь с пернатыми в обнимку. У него курочки и в крещенские морозы не бастуют, несутся.

— Удовенко?! — поразился я.— Странно. У меня вот письмо. Тут сообщают, что в совхозе отдали богу душу, а тело земле тридцать девять тысяч голов птицы.

— Сколько? — переспросил Колька.— Тридцать девять тысяч? Брехня. Не соответствует действительности. Вот подсунут непроверенные данные и подведут прессу... Интересно, а что там еще пишут?..

Колька вырвал из моих рук письмо и стал читать:

— «...обрадовались совхозные буренки, что отныне будут жить культурно. Побеспокоились о них наконец директор Зайцев и главный инженер Ланин. Механизмов накупили уйму. Но не тут-то было. Вся эта «механизация» валяется со дня приобретения в Азове...»

И тоже неверно,— заметил мой друг.— Будем читать дальше: «...удивительно, что совхозные боровки, свинки и даже крупнорогатый молодняк оказываются порой созданиями не менее хрупкими, чем курочки. На первом отделении, к примеру, за одну ночь сдохло восемь телят. Этот телячий мор не произвел, однако, на ветврача Зверева сильного впечатления... На 30 ноября план по продаже яиц государству в совхозе едва одолели на половину с небольшим...» Э, стоп, приехали,— перебил сам себя Колька.— Вылазь. А я дальше поеду. Сам тут разбирайся.

Когда машина отъехала, из кабины высунулась голова Кольки. Он мне что-то кричал и махал рукой. Я еле разобрал слова: «сынки и пасынки». Но что они означали? Разгадать эту загадку не было времени.

Для начала я отправился на свиноферму № 2. Там я увидел свинарку, которая мужественно отбивалась от грозно наступавших на нее поросят. Между нами завязалась беседа. Правда, протекала она в затрудненных условиях: от дикого визга лопались барабанные перепонки и слова слышались, как сквозь пургу.

— Почему так визжат поросята? — вопил я.

— Чего?! — кричала свинарка.— А, почему визжат? Интересуются, дадут ли им сегодня кушать.

— Разве в совхозе плохо с кормами?

— Чего?! Нет, корма есть. Подвезти надо.

— Некому привезти, что ли?

— Чего?! Нет, подвезти есть кому. Порядка навести некому.

— А начальство? Где начальство, спрашиваю!

— Известно где. Трудится. Начальство у нас трудолюбивое,— с непонятной улыбкой закончила свинарка беседу словами Кольки.

Я пошел дальше. Разбираться так разбираться.

А когда разобрался, получилось нечто весьма удивительное. Как ни странно, Колька оказался прав. В письме, сигнализировавшем о безобразиях в совхозе, было очень много неточностей!

Во-первых, издохло не 39 тысяч, а 43 700 голов птицы.

Механизмы, купленные для коров, не валяются в Азове. Они уже привезены и валяются теперь в совхозе.

Колька оказался прав и в своей характеристике совхозного начальства. Действительно, оно очень трудолюбивое, можно сказать, ночей недосыпает, куска недоедает в трудах и заботах.

Не покладая рук трудятся совхозные специалисты... в своих личных хозяйствах, а вовсе не в совхозном. И потому у них и коровки доятся сливками, и курочки золотые яички несут, и свинки жиром заплывают. Не в пример совхозной худобе.

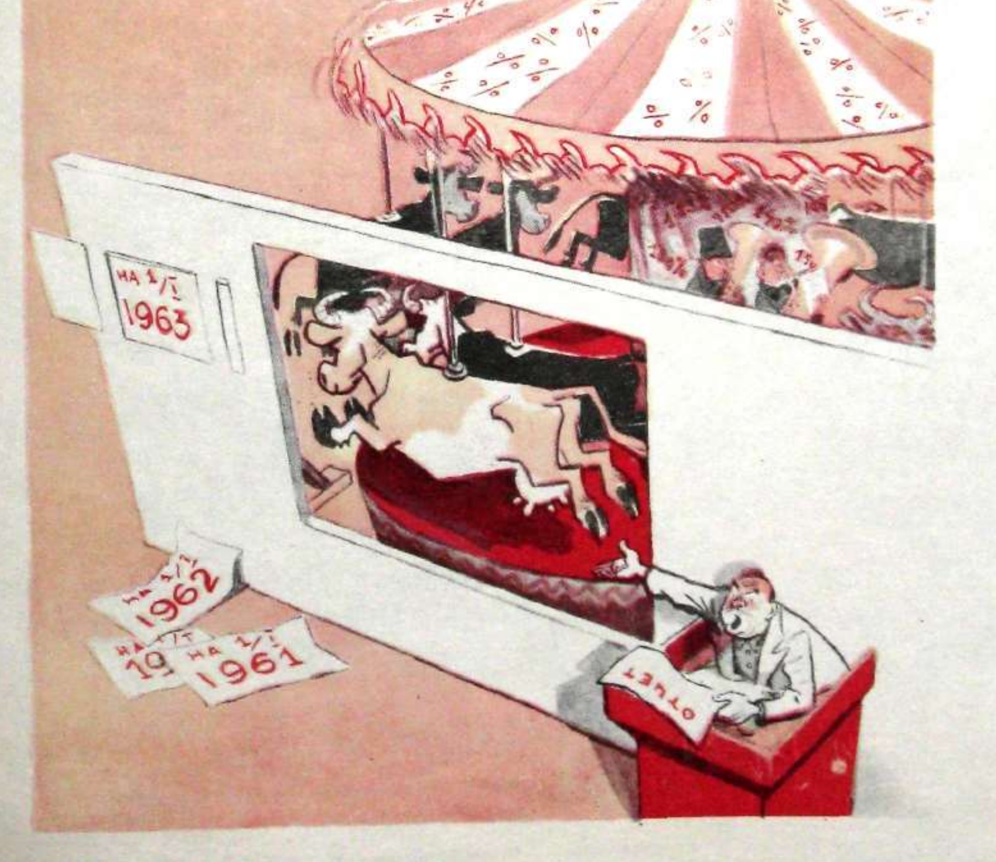
Перенимая опыт директора Зайцева, главного ветврача Зверева, зоотехника и инженера, коммунисты В. Пуханов и И. Применко добились также серьезных успехов: их курочки им снесли уже не золотые яички, а каждому по легковой машине. Почти вплотную за лидерами идет парторг отделения И. М. Зайцев, владелец двух голов крупного рогатого скота, двух свиней и нескольких десятков птицы. Не отстают от руководящих передовиков и другие.

И теперь мне все совершенно ясно.

Но что же все-таки хотел сказать мне мой друг Колька словами «сынки и пасынки»? При встрече я его обязательно спрошу.

В. ФРОЛОВ

Ростовская область.

КАРУСЕЛЬНОЕ ПОГОЛОВЬЕ

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА

Эмиль КРОТКИЙ

ОТРЫВКИ ИЗ НЕНАПИСАННОГО

День, уходя, говорил Вечеру:
— Ты плетешься за мной!
— Нет,— отвечал Вечер,— я иду впереди Завтрашнего дня.

Кто работает на совесть, а кто и на других заказчиков.

Он не мог расстаться с ней в дни ссор: зуб не рвут тогда, когда он болит. А когда наступало примирение, расставаться уже не хотелось: нет смысла рвать зуб, когда он перестал болеть.

Ледниковый период прошел. Наступил период холодильниковый.

В секретном отделе бог хранил тайны мироздания.

Нарушение моды королями становится модой для их подданных.

Притихшая, с обручальным кольцом на пальце, она походила на окольцованную птицу.

Гости сидели до тех пор, пока не вышли на пенсию.

Правая рука его не знала, что делает левая. А левая брала взятки.

Покойник не отвечает за то, что делается у него на похоронах.

Пишет про закаты, рябину, пташек. А сквозь строчки видно: подлец!

В комнате стояла такая тишина, что было слышно, как уходит жизнь.

Он давно уже считался известным писателем, но никто об этом не знал.

Неудержимое желание писать. Упорнография.

— Сначала ей нельзя было возражать, чтобы ребенок не родился нервный, потом — чтобы молоко не иссякло. Ну, а потом она к этому привыкла.

Разношенные, как домашние туфли, удобные, небеспокоящие мысли.

От волос у него осталась только расческа.

Он не был ей спутником на дальние расстояния. Довел до греха — и бросил.

Исписанная бумага либо дешевле, либо дороже чистой. Смотря по тому, кто ее исписал.

Жили безалаберно, но весело. Всегда к обеду были гости, и всегда не хватало денег на сметану к борщу.

В глупости человек сохраняется, как шуба в нафталине.

Брак — это мирное сосуществование двух нервных систем.

Не кичись тем, что стихи твои на устах у девушек. Губная помада тоже не сходит с их уст.

Мемуарист помнил все, до последних мелочей. Он не помнил только, где потерял рукопись своих мемуаров.

У Пушкина была няня. Это хорошо. Плохо, когда у писателя семь нянек.

Она привыкла к готовым мнениям, как к кулинарным полуфабрикатам: они облегчали ей приготовление духовной пищи.

У него была хорошая память на плохое и плохая — на хорошее.

Ссорясь, они швыряли друг в друга стульями, но ни семейной жизни, ни мебели это не вредило. Семья была крепкая, мебель — тоже.

Гейне говорил, что мир раскололся и трещина проходит через сердце поэта. Теперь это называют инфарктом.

В своей шубке мехом наружу она походила на того хищника, с которого был снят этот мех.

— Где это комиссия по приемке дома застряла?

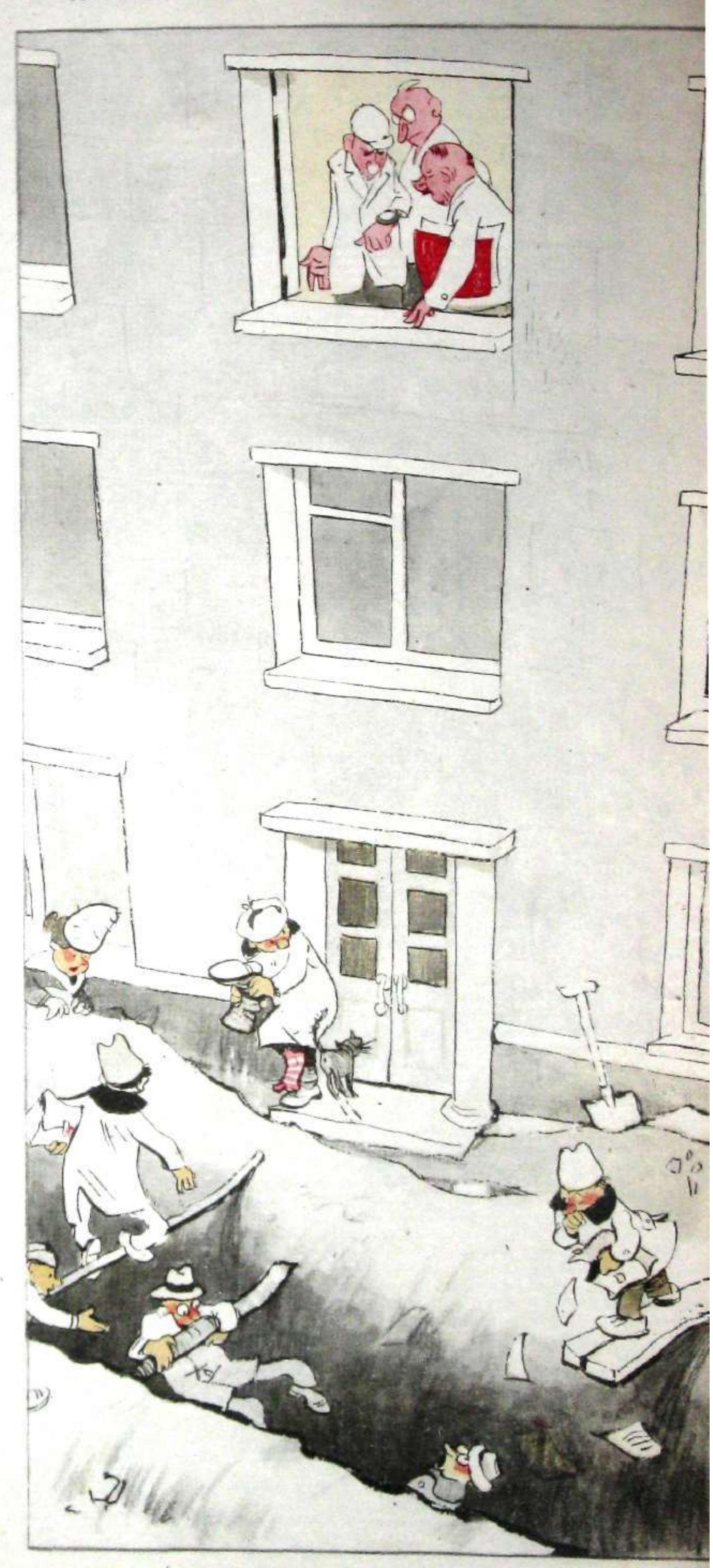

Рисунок А. ЦВЕТКОВА

Вл. ДЫХОВИЧНЫЙ, М. СЛОБОДСКОЙ и Вл. МАСС, Мих. ЧЕРВИНСКИЙ

Гурий Львович Синичкин

Водевиль в пяти картинах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА 1-й КАРТИНЫ:

Синичкин Гурий Львович — старый актер.
Лиза — его дочь.
Ветринский — ассистент кинорежиссера.
Сурмилова Раиса Минишна — заслуженная артистка.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Сцена представляет номер-полулюкс в гостинице областного города. При поднятии занавеса Лиза нервно заканчивает разговор по телефону.

ЛИЗА (в трубку). Нет, нет и нет! И не звоните больше. Никогда!.. (Слушает.) Ну, может быть, в будущем... (Слушает.) Ну, попробуйте через час...

Из спальни выходит Синичкин. В своем старом халате он напоминает артиста прошлого века.

Лиза поспешно кладет трубку.

СИНИЧКИН (подозрительно). Кто тебе звонил?

ЛИЗА. Нет, нет, отец. Это просто рядовой ухажер.

СИНИЧКИН. Лиза, неправда. Это опять какой-нибудь киношник? Он соблазнял тебя, Лиза!

ЛИЗА. Не волнуйся, отец,— только как девушку.

СИНИЧКИН. Ну, слава богу! А я было подумал, что он предлагал тебе роль в кино. Помни, Лизонька: только не это!.. О судьбе своего отца помни. Ты знаешь, кем бы я сейчас был, если б не проклятое кино?

ЛИЗА. Кем, папа?

СИНИЧКИН. По крайней мере заслуженным деятелем РСФСР.

ЛИЗА. В какой области?

СИНИЧКИН. В Тамбовской, дочь моя! А может быть, и в Вологодской. Уже в те времена я играл в театре все исторические и современные роли — от первого отрицательного казака до второго секретаря обкома — положительного, конечно. Бывало, даже первого секретаря играл! Поверь мне, когда я выходил на сцену, все вставали. Одна моя реплика — и все садились!.. А теперь... Разве теперь я не мог бы играть в театре все первые роли — от положительного казака до отрицательного секретаря обкома?.. Но, увы, Лизонька... Меня взяли в кино! За физиономию взяли... Оказывается, я был похож на одного деятеля. Два года меня снимали в его роли, а потом выяснилось, что я похож на того деятеля, на которого не надо быть похожим. Его сняли — меня вырезали. А потом пошло! Боже мой, Лизонька, как меня кромсали!..

ЛИЗА. Но почему, папа?

СИНИЧКИН. Потому что это — кино. Популярнейшее искусство. Самое дорогое, дитя. А раз оно самое дорогое, значит, у него больше всего нянек. И все с ножницами... И все режут... За что меня только не вырезали: за искажение вырезали и за восхваление вырезали... За недооценку вырезали и за переоценку вырезали. И прошли годы... В кино меня больше не снимают. И правильно... Физиономия уже не та. За физиономию взяли, за физиономию и выбросили. Печальна моя судьба, Лизонька, так пусть она не будет и твоей судьбой.

ЛИЗА. Но ведь судьба девушки в кино — это все-таки другое дело, отец!

СИНИЧКИН (возмущенно). Девушки в кино!.. Девушка в кино — это вообще парадокс. Или она девушка, или она в кино. У актрисы, Лизонька, в кино главный творческий путь — головой в воду!

ЛИЗА (смеясь). Как? Сразу топиться?

СИНИЧКИН. Да не топиться, а человека-амфибию играть...

ЛИЗА. Не одни же амфибии в кино! Там даже классику ставят.

СИНИЧКИН. Ставят, но не играют. Катерина в «Грозе» бросается с обрыва... В театре все внимание на переживаниях героини. Играет только она! Переживания обрыва никого не интересуют. А в кино? Полтора метра героини, триста метров обрыва, остальное — кружение берез! Есть от чего броситься с обрыва!

ЛИЗА. Ты несправедлив, папа. Есть же все-таки настоящие роли в кино.

СИНИЧКИН. Половинки, Лиза, только половинки. Либо в киноопере снимут, в какой-нибудь «Пиковой даме»,— ты играешь, а Архипова за тебя звук дает,— либо заграничный фильм пошлют озвучивать — ты говоришь, а Симона Синьоре за тебя играет. И в искусстве ты существуешь, как испорченный телевизор,— то видно, но не слышно, то слышно, но не видно.

ЛИЗА. Нет, отец. Ты сегодня уж очень мрачно настроен. Ведь есть же настоящее искусство в кино!..

СИНИЧКИН. Есть, дочь моя. Есть! Великое искусство... Бессмертные образы созданы на экране мастерами его. Народ бережно хранит их в своей памяти. Но ведь к этому прийти надо! Заслужить это!

ЛИЗА. Конечно. А если мне повезет? Попаду на хорошую роль, внешность у меня своя кое-какая имеется. И вдруг удача?

СИНИЧКИН. А потом что? Ни мастерства, ни умения удача не приносит. А хорошенькое личико — это ведь явление временное. Да и вон их сколько по улицам-то носит! Быстро кончатся твои роли. Нет, Лиза, нет, не позволю, чтобы ты закончила свою творческую жизнь под забором Киевской киностудии! Не допущу, чтоб тебе под старость лет вместо ролей одни только встречи с кинозрителями на стадионах остались!

ЛИЗА. И нет, по-твоему, у героинь иной судьбы в кино?

СИНИЧКИН. Есть, Лизонька, конечно, есть! Но это другая, трудная судьба, и пути к ней другие, нелегкие. Ты веришь мне, Лизонька?

ЛИЗА. Верю.

СИНИЧКИН. Театр... Только театр!.. Он для нас все! (Поет.)

Запах грима и призрачный воздух кулис,
Декораций картонный уют...
Но для старых актеров и старых актрис
Настоящая жизнь только тут!
Говорят, что сюда мы приходим играть.
Но до истинной смерти своей
Нам приходится тысячи раз умирать
На глазах потрясенных людей!
Разве это игра, если зрительный зал
За тобою следит не дыша?!
Ты живешь для людей, ты себя им отдал,
С ними сердце твое и душа.
Запах грима, и призрачный воздух кулис,
Декораций картонный уют...
Но бессмертье актеров и счастье актрис —
Вся их жизнь только тут! Только тут!

Знай, Лиза, если ты изменишь театру, ты разобьешь и без того больное сердце твоего старого отца. И даже умру я тогда не как артист, не как дед мой и прадед умирали — на сцене, в полном гриме, в парике и костюме, а как рядовой зритель — в районной поликлинике. И не от старинной потомственной кондрашки, а от обычного современного инфаркта. И ты будешь виновницей этой пошлой смерти!

ЛИЗА. Отец!..

СИНИЧКИН. Поклянись мне, Лиза... (Вынимает из чемодана книгу.) Поклянись на этой книге, что ты никогда не изменишь театру!

ЛИЗА. Что это?! Библия?!

СИНИЧКИН. Нет, на бога я уже не надеюсь. Система Станиславского.

ЛИЗА (кладя руку на книгу). Клянусь!

СИНИЧКИН. Теперь я могу наконец спокойно побриться! (Уходит в ванную.)

Стук в дверь.

ЛИЗА. Да!

ВЕТРИНСКИЙ (входя). Это я, Ветринский.

ЛИЗА. Т-с-с!.. Зачем вы пришли?

ВЕТРИНСКИЙ. Все за тем же. Я ассистент кинорежиссера. Без пяти лет режиссер. Женщины меня вообще не интересуют. Я приехал сюда за лягушками.

ЛИЗА. За какими лягушками?

ВЕТРИНСКИЙ. Для фильма. Эпизод на реке. Шеф требует полторы тысячи лягушек. Здесь болота. Впрочем, найти лягушек для нас, кинематографистов, нигде не проблема.

ЛИЗА. Как я догадываюсь, даже в моей комнате?

ВЕТРИНСКИЙ. Не шутите над своей судьбой! Поймите, если я привезу в Москву еще и актрису на главную роль,— я на коне. А вы родились для этой роли. Кстати, вы умеете плавать?

ЛИЗА. Как?! Уже амфибия?!

ВЕТРИНСКИЙ. Не амфибия, а Офелия. Мы же снимаем «Гамлета».

ЛИЗА (удивленно). Вы? «Гамлета» ведь уже снимает Козинцев на «Ленфильме»!

ВЕТРИНСКИЙ. Ну да, а мы снимаем его на «Мосфильме».

ЛИЗА. Зачем же второй раз «Гамлета» снимать?!

ВЕТРИНСКИЙ. А зачем второй раз «Войну и мир» снимать? Решено, что у нас на «Мосфильме» должен быть свой «Гамлет», ясно? А с сюжетом я вас познакомлю позже.

ЛИЗА. Благодарю вас, сюжет «Гамлета» я знаю.

ВЕТРИНСКИЙ. Вы читали сценарий? Отлично! Тогда вы помните вашу гениальную сцену на реке — безумие Офелии. Любая актриса отдаст всю жизнь в кино за такой кусок. Офелия плывет, поет и сходит с ума! Как говорит Гамлет: «Плыла и пела, пела и плыла». Труднейшая режиссерская задача — довести актрису до нужного эмоционального состояния — безумия на воде! Но при нашей постановочной группе справитесь. Плавать научат, пение подложат, до безумия доведут. И вот вы уже готовая киноактриса!

ЛИЗА. Но я не хочу быть киноактрисой!

ВЕТРИНСКИЙ. Я же говорю, у вас все данные для куска сумасшествия! Собирайтесь, поезд в семь тридцать вечера.

ЛИЗА. Какой поезд? Я никуда не поеду!

ВЕТРИНСКИЙ. Ну, это для нас не проблема. В восемь тридцать вечерний самолет. Укладывайтесь!

ЛИЗА. Да поймите же: я дебютирую в театре, там мое будущее!

ВЕТРИНСКИЙ. Какой театр? Голубушка, театра ж не будет!

ЛИЗА (удивленно). Какого театра не будет?

ВЕТРИНСКИЙ. Никакого не будет. Вы что, не читали статей Михаила Ромма? Никакого театра в будущем не будет. Малый театр знаете? Не будет. МХАТ знали? Как не бывало! Даже Театра сатиры не будет!

ЛИЗА. А что же будет?

ВЕТРИНСКИЙ. Одно сплошное кино! (Поет.)

Ермолова, Федотова —
Все это прошлый век!
Ужель играть охота вам
Для тыщи человек?
Мильярды кинозрителей
Подарит вам экран —
Отечественных жителей
И жителей капстран!

Представьте: вы в Венеции,
В составе делегации!..

ЛИЗА (улыбаясь). Фотографы!
ВЕТРИНСКИЙ. Автографы!
ЛИЗА. Сенсации!
ВЕТРИНСКИЙ. Овации!

Не к старости народною
Артисткою седой,—
Сейчас международною
Вы станете звездой.
Не Сарою Бернарою
С Полиной Виардо,
А Лолою Бриджидою
С Брижиттою Бардо!
Со славой повсеместною...

ЛИЗА. Как Немирович-Данченко?
ВЕТРИНСКИЙ. Нет, более известною,—
Как Гурченко и Марченко!
Вас будет население
В трамваях узнавать!
На вкусы поколения
Вы будете влиять!
Вам МХАТ академический
Не дал бы все равно
Той славы феерической,
Известности космической,
Которую практически
Получите в кино!

Итак, в восемь тридцать наш самолет.

ЛИЗА. Он отлетит без меня.

ГОЛОС СИНИЧКИНА. Лиза, кто там у тебя?

ЛИЗА (кричит). Просто сосед по гостинице, отец! (Тихо.) Умоляю, при отце ни слова о том, что вы из кино! Вы просто ухаживаете за мной, ясно?

Входит Синичкин.

ЛИЗА. Знакомься, папа, это товарищ... товарищ Ленский. Мы вечером познакомились в кипятильнике...

СИНИЧКИН. Очень приятно. Тоже к искусству принадлежите?

ВЕТРИНСКИЙ. Не совсем.

СИНИЧКИН. А-а... Из публики! Ну, ничего. Я испугался, не из кино ли опять.

ВЕТРИНСКИЙ. А что ж тут страшного?

СИНИЧКИН. Так ведь кино — это фабрика.

ВЕТРИНСКИЙ (оскорбленно). Уточните!

СИНИЧКИН. Ну, шарашкина фабрика!

ВЕТРИНСКИЙ (распаляясь). Почему же это шарашкина фабрика?!

ЛИЗА (поспешно). Папа, Ленский совсем не знает кинематографа. Он из ГИТИСа. Будущий театральный режиссер!

СИНИЧКИН. А-а, вот это замечательно! Не в здешний ли театр намереваетесь?

ВЕТРИНСКИЙ. Очень может быть. Вот только лягушек отвезу...

СИНИЧКИН (удивленно). Каких лягушек? Зачем лягушек?

ЛИЗА (спасая положение). Домой, папа, домой!.. Ты представляешь, папа, их семья их ест! Как французы.

ВЕТРИНСКИЙ (рассеянно). Да-а... Любим мы эту пищу... (Пауза.) Вот такие пирожки.

СИНИЧКИН (вежливо). И что же эта... дичь... у вас как закуска идет?

ВЕТРИНСКИЙ. Больше в суп. Бульон варим. Или скорей уху. (Лизе.) Я оставлю вам рецепт.

СИНИЧКИН. Ей сейчас кулинарией заниматься некогда. Лизонька у нас сейчас прямо на пороге, можно сказать. Только что театральную школу окончила, а в Москве ее уже на эстраду звали. Прямо с системы Станиславского да в систему ВГКО. Как говорится, два мира — две системы! Но нет, ее ждет театр! Будем здесь дебютировать, молодой человек. Семейная традиция! Прадед мой — Лев Гурыч, сын Синичкина, отсюда пошел. И дед мой, наоборот, Гурий Львович. И отец, обратно, Лев Гурыч. И сам я, обратно наоборот, Гурий Львович, Синичкин сын. А теперь вот и Лизонька наша будет здесь дебютировать.

ВЕТРИНСКИЙ (не сдержавшись). Да зачем ей?!

ЛИЗА (поспешно). Товарищ Ленский считает, что меня могут взять и без дебюта.

СИНИЧКИН (просиял). Спасибо вам на добром слове. Но не выйдет. Теперь не по таланту берут. Теперь по конкурсу.

ЛИЗА. А мы, на беду, ко всем конкурсам опоздали.

СИНИЧКИН. И вдруг, понимаете, такая удача: вчера узнаем, что здешний театр играет сегодня вечером на телевидении специально приготовленный спектакль. Только один раз. Пьесу Федора Борзикова «Вечерняя стерня».

ЛИЗА. А я там главную роль в выпускном спектакле играла!

СИНИЧКИН. И с таким фурором! Пьеса обычная, несусветная. Но как играла! Только увидят — с руками оторвут!

ВЕТРИНСКИЙ. По-моему, эту роль здесь готовит сама Сурмилова, их первая актриса.

СИНИЧКИН Вы ее знаете? Сурмилова, точно! Это нам и поможет. Я с ней много раз служил. И у меня есть план. Мы отговорим ее от роли. В пользу Лизы. Сама была молода, если хорошенько припомнит. Зачем ей эта роль? Ее же работой забрасывают, сама мне вчера жаловалась. Даже в кино вроде ее сниматься зовут.

ВЕТРИНСКИЙ. Ну, это ее девичьи мечты. В «Гамлете» мечтает сниматься. Королевой-матерью.

СИНИЧКИН (подозрительно). А вы откуда это знаете?

ВЕТРИНСКИЙ. Мы случайно вместе обедали в местной диетической шашлычной. Тут она со мной и поделилась.

СИНИЧКИН. Ну, а вы?

ВЕТРИНСКИЙ. Не стал портить ей аппетит. Все-таки дама. Сказал, что она вылитая королева. Исключительно из вежливости.

СИНИЧКИН. Она королева-мать? Ей королеву-бабушку играть! Что, я не знаю, сколько ей лет?! Она в прошлом году, чтоб заслуженную АССР схлопотать, сорокалетие праздновала. (Взглянул на часы.) Батюшки, сейчас она придет!

ВЕТРИНСКИЙ (Лизе). Я еще рецепт вам должен оставить. (Идя с ней вместе к двери, тихо.) Рецепт будет в передней, на вешалке. (Уходит.)

СИНИЧКИН. Лизонька, стол укрась, сейчас Раиса Минишна появится.

ЛИЗА. Цветы надо было поставить.

СИНИЧКИН. Цветы она каждый день видит. Ты колбаски поставь копченой, московской. Тут тебе и вид, и цвет, и запах! (Стук в дверь.) Она! (Громко.) Милости просим! (Входит Сурмилова.) Здравствуй, Рая!

СУРМИЛОВА. Здравствуй, Гурий, здравствуй! Извини, я раньше времени. Я тут к одному киношнику по дороге заглянуть решила. (Садится.)

СИНИЧКИН. И в кино сниматься успевает! Ну, девочка, просто девочка! Кто тебе даст твои годы! А тебе уже наверно... сорок стукнуло, не то тридцать девятый пошел?

СУРМИЛОВА (неопределенно). Да, идут годы... идут... Не зря. Не без пользы для людей, для нашего общества, но идут!

СИНИЧКИН. Верно. Очень верно! Я Лизоньке столько про тебя рассказывал! Как нас вместе еще в Рабис принимали... Ты наливай, Лиза, наливай.

СУРМИЛОВА. Ты знаешь, Гурий, что я вообще никогда не пью. А еще реже с утра. Но за центральный комитет нашего профсоюза могу пригубить! (Пьет залпом.)

СИНИЧКИН. Точно, как тридцать лет назад... Шуя... Моздок... Вологда... Как играли! Шуя нас не

Иллюстрации Е. ШУКАЕВА

забудет! Помнишь эту пьесу, как ее?.. Зеленое что-то... Оба мы такие боевые, помню, все за что-то боремся! Не то я с тобой боролся... Не то ты со мной боролась...

СУРМИЛОВА (подхватывая). Да, да!.. А потом мы оба победили! Хорошо!

СИНИЧКИН (лирически). А эту помнишь?.. Река... Звезды... Колхоз... Я хороший. Ты еще лучше. Я за тобой тянусь, ты за мной тянешься, а потом, кажется, опять я за тобой...

СУРМИЛОВА (подхватывая). И кругом все хорошие, все дружные, замечательные!..

СИНИЧКИН (задушевно). Боже мой, сколько мы с тобой дерьма переиграли!

СУРМИЛОВА. Не дерьма, Гурий, а нужного в свое время драматургического материала!

СИНИЧКИН. Так я же говорю, сколько нужного дерьма сыграли! А теперь вот и Лизина очередь. Пора и ей вложить свою лепту...

СУРМИЛОВА. Сделаем для твоей дочери все. При моем положении в театре...

ЛИЗА. Еще бы! Весь репертуар на вас!

СУРМИЛОВА. Да не в ролях дело,— их у меня давно завались! Должностями замучили, Львович! Предместкома у нас кто? Сурмилова! Член худсовета? Сурмилова. ВТО? Сурмилова. Гибну на глазах у общественности. Так и хочется иной раз лечь и посмертную записку написать: «В смерти моей прошу никого не винить».

СИНИЧКИН. Зачем же такой непосильный груз на себя берешь?

СУРМИЛОВА. Да? А когда к «Заслуженному деятелю» меня представлять будут? Без этого разве получишь?

СИНИЧКИН. Такой дорогой ценой новое звание зарабатывать! При таких условиях зачем тебе заслуженный деятель-то?

СУРМИЛОВА (иронически). Зачем? А как я деятеля получу, так меня и в обком союза введут и председателем худсовета выберут! И хозяйкой ВТО!

СИНИЧКИН. А там, выше, легче, что ли?

СУРМИЛОВА. Легче! Там от одних заседаний ноги протянешь!

СИНИЧКИН (щупая голову). Что-то я по серости своей запутался... Скажи ты мне за ради бога, зачем же тебе в таком разе худсовет твой? Обком тебе зачем?

СУРМИЛОВА. А звание народной РСФСР ты мне дашь?

СИНИЧКИН (кричит). А что тебе даст народная РСФСР, горе ты мое?!

СУРМИЛОВА (*так же*). Темнота! В коллегию управления введут! В ЦК союза выберут!

СИНИЧКИН (*так же*). А на кой ляд тебе ЦК, когда ты уже в обкоме ноги протягивать собираешься?

СУРМИЛОВА (*вне себя*). А народная Союза?

СИНИЧКИН (*хватаясь за голову*). С ума сойду! Конец-то этому есть?!

СУРМИЛОВА (*так же*). А я почем знаю? У белки в колесе есть конец? Путь актрисы — лезу без памяти к невиданным высотам.

СИНИЧКИН. Тогда твоя правда, легче сразу помереть.

СУРМИЛОВА. Рано! Вот осуществлю последнюю мечту — в кино сыграю, снимусь в роли королевы-матери,— тогда и хороните свою Сурмилову.

СИНИЧКИН. Чего же перед смертью еще в кино-то мучиться!

СУРМИЛОВА. За кино все отдам. Там сразу — хлоп и... народная Союза. А с народной меня, может, и в горсовет выберут!

СИНИЧКИН (*махнул рукой*). Правильно! Тогда тебе еще одно мероприятие на себя взять надо — помощь молодым артисткам. (*Показывая наверх.*) Это тебе тоже там зачтется!

СУРМИЛОВА. Я же тебе сказала, что с Лизой все будет в порядке. Во вспомогательный состав я ее без показа устрою.

СИНИЧКИН (*вне себя*). Как?! Моя дочь — во вспомогательный?! Ты, значит, комсостав, а она вспомсостав?!

СУРМИЛОВА. А ты чего хотел?

СИНИЧКИН. Я думал, ты ей свою роль уступишь!

СУРМИЛОВА. Какую роль?

СИНИЧКИН. В сегодняшней «Вечерней стерне». Героине же по роли двадцать лет!

СУРМИЛОВА. Так что ж, я первый год, что ли, двадцатилетних играю? Нахальство какое! Роль на телевидении, за которую меня, может быть, в худсовет студии назначат. И отдать эту роль бездарной девчонке!

СИНИЧКИН. Моя дочь?.. Ах ты, мать... королева!

ЛИЗА. Папа!

СИНИЧКИН. Телевидение ей понадобилось! (*Сурмиловой.*) Ты пенсионеров побойся, ко-[illegible]ые от телевизоров не отходят. Ты знаешь, что такое десять тысяч пенсионеров? Это двадцать тысяч ругательских писем!

СУРМИЛОВА (*оскорбленно*). Массовка вы были — массовка и остались. И сам ты массовка, и дочь твоя массовка! (*Гордо уходит.*)

СИНИЧКИН. Массовка! Подумаешь, профсоюзная королева-мать, а еще в телевизор лезет. В кино прорваться хочет...

ЛИЗА. Да в кино я хоть сегодня могу ей нос утереть.

СИНИЧКИН. Сегодня?

ЛИЗА. Если она хочет знать, он просто гарантировал, что меня утвердят!

СИНИЧКИН. Кто гарантировал?

ЛИЗА. Сосед по гостинице. Ты его только что видел.

СИНИЧКИН. Кто? Этот юноша из ГИТИСа?

ЛИЗА. Он не из ГИТИСа, он с «Мосфильма».

СИНИЧКИН (*в ужасе*). С «Мосфильма»?!. И он приехал за тобой?

ЛИЗА. Не за мной, а за лягушками. Но он ищет Офелию.

СИНИЧКИН. Тогда при чем тут лягушки?

ЛИЗА. Совершенно ни при чем. Как все в кино.

СИНИЧКИН. Значит, он их все-таки ест?

ЛИЗА. Нет, он их снимает.

СИНИЧКИН (*жалобно*). Лиза, умоляю, не пугай меня, скажи мне всю правду, даже самую страшную! Он предлагает тебе сниматься, да?

ЛИЗА. Сейчас я тебе все покажу! (*Уходит в переднюю, тут же возвращается с листком бумаги.*) У меня нет секретов, папа! Читай!

СИНИЧКИН (*читает*). «Голубушка...» Уже «голубушка», негодяй!.. «Голубушка! Завтра последняя кинопроба! Такими фильмами, как «Гамлет», не кидаются. Роль — ваша! Бросайте свой спектакль, и летим. Жду вас в восемь часов вечера в аэропорту». Какая низость!

ЛИЗА. Видишь! Но я категорически отказалась!

СИНИЧКИН. Ты действительно мое дитя! Забудем же об этом и порвем эту гадость!.. (*Вдруг останавливается.*) Стой, ну, Раиса! Значит, моя дочь вспомсостав, да? Так я же тебя проучу!

ЛИЗА. Что ты еще придумал?

СИНИЧКИН. Письмо же без имени. Давай гостиничный конверт! (*Лихорадочно вкладывает записку в конверт, надписывает.*) Заслуженной артистке Сурмиловой! Вот. Теперь это не ты — голубушка, это она — голубушка. И она, голубушка, как миленькая будет сидеть в аэропорту и смотреть по телевизору, как ты, голубушка, играешь ее роль!..

ЛИЗА (*весело*). Чистый водевиль!

СИНИЧКИН. Он самый, моя прелесть! Лизонька, в театр! Теперь каждый получит свое: ты — свою роль, я—свою мечту, а лягушачий заготовитель—как раз то, к чему он стремился,—крупную старую жабу. Вперед! (*Поет.*)

Вперед, дитя мое, вперед!
Пусть не в ландо — в автомобиле,
В театр дорога нас ведет,
Как в том старинном водевиле!

ЛИЗА (*поет*).

Вперед, отец, вперед скорей!
Пускай еще Раиса в силе,
Но мы свинью подложим ей,
Как в том, старинном водевиле!

Конец первой картины.

(Продолжение следует.)

СЛУЧАЙ С АННОЙ КАРЕНИНОЙ

— Что же вы поезд пропустили?
— А мне через месяц на пенсию.

Рисунок И. СЕМЕНОВА

ЮГОСЛАВСКИЙ САТИРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ «ЕЖ»

В ГОСТЯХ У КРОКОДИЛА

— С тех пор, как Ганс стал резервистом бундесвера, приходится держать автомобиль под дождем.

Рисунок Ф. ПАВЛОВИЧА

Бане ДЖУРИЧИЧ

СЛОВО АДЕНАУЭРА ДЕПУТАТАМ БУНДЕСТАГА

Конрад прогнать себя не даст вам!
Карьера кончится моя,
Когда захочет государство!
Но... государство — это я!

ЗАПАДНАЯ ПРЕССА О СОВЕЩАНИИ ПО РАЗОРУЖЕНИЮ В ЖЕНЕВЕ

Кто слух пустил, что сдвигов мало,
Тот ложь бесспорную сказал:
Есть сдвиги: из второго зала
Все перешли в девятый зал.

Перевел Б. ЮДИН.

Вукадин АЧИМОВИЧ

ТОЧКА

«Что же делать?» — спрашивает сам себя главбух Дебелич. Он сидит за письменным столом, уставясь в циферблат. Прошел, вернее, прополз, с грехом пополам только один час рабочего времени.

Дебелич выдвигает один за другим *ящики стола*. Ничего интересного... Все бумажки давно подписаны и подколоты. Вчерашняя газета прочитана насквозь. Хоть бы кто зашел поболтать...

Глаза Дебелича слипаются. Ах, как нехорошо! Стыдно... Чтобы взбодриться, главбух применяет проверенное средство: на чистом листе бумаги рисует кружочки.

Поначалу дело идет здорово: кружки из-под карандаша выскакивают четкие, как выведенные циркулем. Постепенно они оплывают, превращаются в эллипсы, эллипсы переходят в спираль, потом слабая извилистая линия ползет к краю листа, карандаш выскальзывает из размякших пальцев и падает на пол...

«Опять задремал, фу, какой позор!..— *вскинул головой Дебелич.— А если бы увидели?* Обойду, пожалуй, комнаты. Встряхнусь».

Дебелич протер глаза, поправил галстук и мощным усилием воли заставил себя оторваться от мягкого сиденья.

Он появился в дверях бухгалтерии и внимательным взглядом обвел подчиненных. Их никак нельзя было обвинить в безделье.

Машинистка решительно ударила пальцем по клавишу и поставила точку в конце фразы. Молодой счетовод торопливо достал из пиджака авторучку, раскрыл папку и тоже поставил точку. Лысый служащий поправил очки и трижды подчеркнул красным карандашом итоговые цифры баланса.

Дебелич хмыкнул и направился в соседнюю комнату.

Здесь его ждала та же загадочная картина. Рыжеволосая старая дева тщательно вырисовывала точку. Красивая *канцеляристка* в свитере в обтяжку, завидев Дебелича, бросила журнал мод в открытый ящик, задвинула его коленкой, схватила ручку и поставила точку на первом попавшемся документе.

«Опять точки! Да что они, сговорились, что ли?» — подумал Дебелич и поплелся в свой кабинет. Там он опустился в родное, уютное кресло и принялся размышлять, почему так получается, что он приходит к подчиненным именно в тот момент, когда *они ставят точки. Почему?* Странно и интерес...

Дебелич сладко посапывал, когда вдруг скрипнула дверь в кабинет. Он вздрогнул, качнулся вперед к столу и, схватив карандаш, поставил на вчерашней газете жирную точку.

Перевела Я. КУНИНА.

Миле СТАНКОВИЧ

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ СОН

Все хотят видеть красивые, занимательные сны. *Но вместо этого во сне падают* в пропасть, удирают от крокодилов, носорогов и кредиторов, борются с медведем и циклопом. Подобные волнения отрицательно влияют на нервы, и человек просыпается ошеломленный, неспособный к труду.

Лично я натренировал свое подсознание, *и теперь* мне снится только то, что я хотел бы видеть во сне. Охотнее всего в своих снах я нарушаю правила уличного движения.

— Для меня правила не существуют. Я сам хозяин своих снов, и поэтому могу делать все наоборот,— говорю я регулировщикам, отъезжаю от них и гоню со скоростью свыше ста километров в час прямо сквозь густой муравейник пешеходов. Но прежде, чем мне удается кого-нибудь переехать, слышу свисток регулировщиков.

— Ваши водительские права! — говорят они.

— Бессмысленная затея! Вы ничего не можете мне сделать! — спокойно отвечаю я.

Они делают от ворот поворот и записывают номер моего автомобиля. Я же просыпаюсь и разражаюсь громовым смехом. *После* этого в отличном настроении отправляюсь в учреждение. И с наслаждением ожидаю, когда меня снова начнет разбирать сон.

Чувствую, что мне опять удастся разозлить этих двух регулировщиков!

Я гоню свою машину по левой стороне, *проезжаю по тротуару, останавливаюсь по*среди перекрестка, на полном ходу влетаю в помещение банка и торможу у окошечка кассы, а два мрачных регулировщика подъезжают, чтобы научить меня уму-разуму.

— Имею разум только на экспорт! — подшучиваю я, чувствуя полную свою безнаказанность.

— Просим предъявить! — упираются они.

— Ничего это вам не даст. Сейчас я проснусь, а у вас останутся водительские права человека, который спит, как утес.

Целый день я придумываю, как в следующий раз вызвать столкновение на главной улице. И действительно, вызываю столкновение. Появляются два регулировщика.

— Достаточно вы нас мучили! Сейчас мы вас вылечим! — говорят они и начинают составлять протокол.

— Что сегодня у вас на обед? — спрашиваю я одного из них.— Держу пари, что вы уже два часа гадаете, что вам сварила жена...

Он почему-то проглатывает обиду. А я продолжаю игру:

— Разве вы не помните меня по моим прежним снам?

— Хорошо помним! — говорят они и грозят следственными органами.

Люди вокруг размахивают кулаками, обвиняют меня в дерзости.

— Наверно, он сбежал из сумасшедшего дома!

— Опять я над вами подшутил,— шепчу я регулировщику, который находится ближе ко мне.— Сейчас я возьму и проснусь.

— Было бы самое время,— цедит он сквозь зубы.

Действительно, самое время потянуться в своей кровати и досыта *посмеяться* над этими наивными людьми...

Я попытался проснуться, но мне это не удалось. Я ущипнул себя: больно! Вот черт, оказывается, я бодрствую! Сижу в автомобиле и слушаю угрожающий ропот толпы.

Вот так сон! Сон человека, получающего 28 тысяч динар в месяц! Не так уж много!.. Раньше был настоящий сон, а теперь... Теперь — столкновение! И не могу понять я только одного:

— Откуда у меня автомобиль при такой зарплате?

Перевел Н. ЛАБКОВСКИЙ.

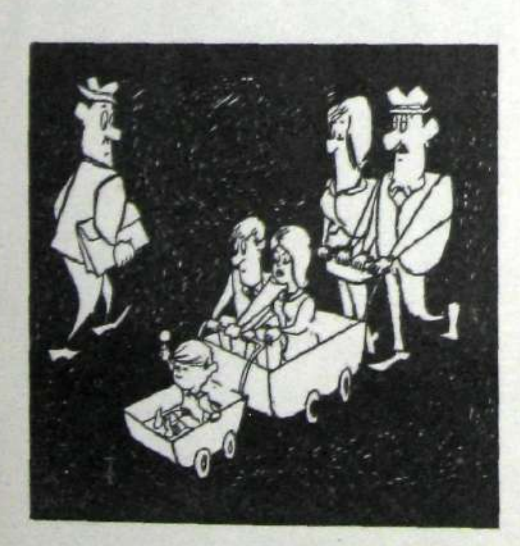

Рисунок В. КАТИЧА

— Товарищ директор скоро освободится!

Рисунок Н. РУДИЧА

Мистеру Эдварду Мэрроу,

руководителю американского информационного агентства, Вашингтон, округ Колумбия

Сэр!

В передачах «Голос Америки» и в различных изданиях, при помощи которых вы пропагандируете за рубежом «американский образ жизни», мы не раз сталкивались с утверждением, что только капиталистическое общество может способствовать созданию гармонически развитой личности. Мы не раз слышали, что только в США бизнесмены любят играть на флейте, гангстеры вечно ходят перепачканные в краске из-за увлечения абстрактной живописью, а рабочие большую часть времени проводят с клюшкой для гольфа в руках.

Само собой, при этом авторы передач не забывают поскорбеть о тяжкой доле советских людей, *которых приковывают* цепями к электронным микроскопам, бьют батогами для быстрейшего выведения очередного космического корабля на орбиту и заставляют даже во сне не расставаться с гаечным ключом.

Но давайте посмотрим, мистер Мэрроу, как же конкретно воспитывает высокогармоническую личность главный американский педагог — большой бизнес. Перед нами несколько различных вопросников-«тестов», при помощи которых большинство крупных компаний определяет, что представляет собой кандидат в служащие.

Тест по системе доктора Бернрейтера, например, сразу же берет быка за рога. Вот первые три вопроса:

1. Склонны ли вы к раздумьям?
2. Находите ли вы, что книги могут быть интереснее собеседников?
3. Способны ли вы провести вечер в одиночестве за чтением?

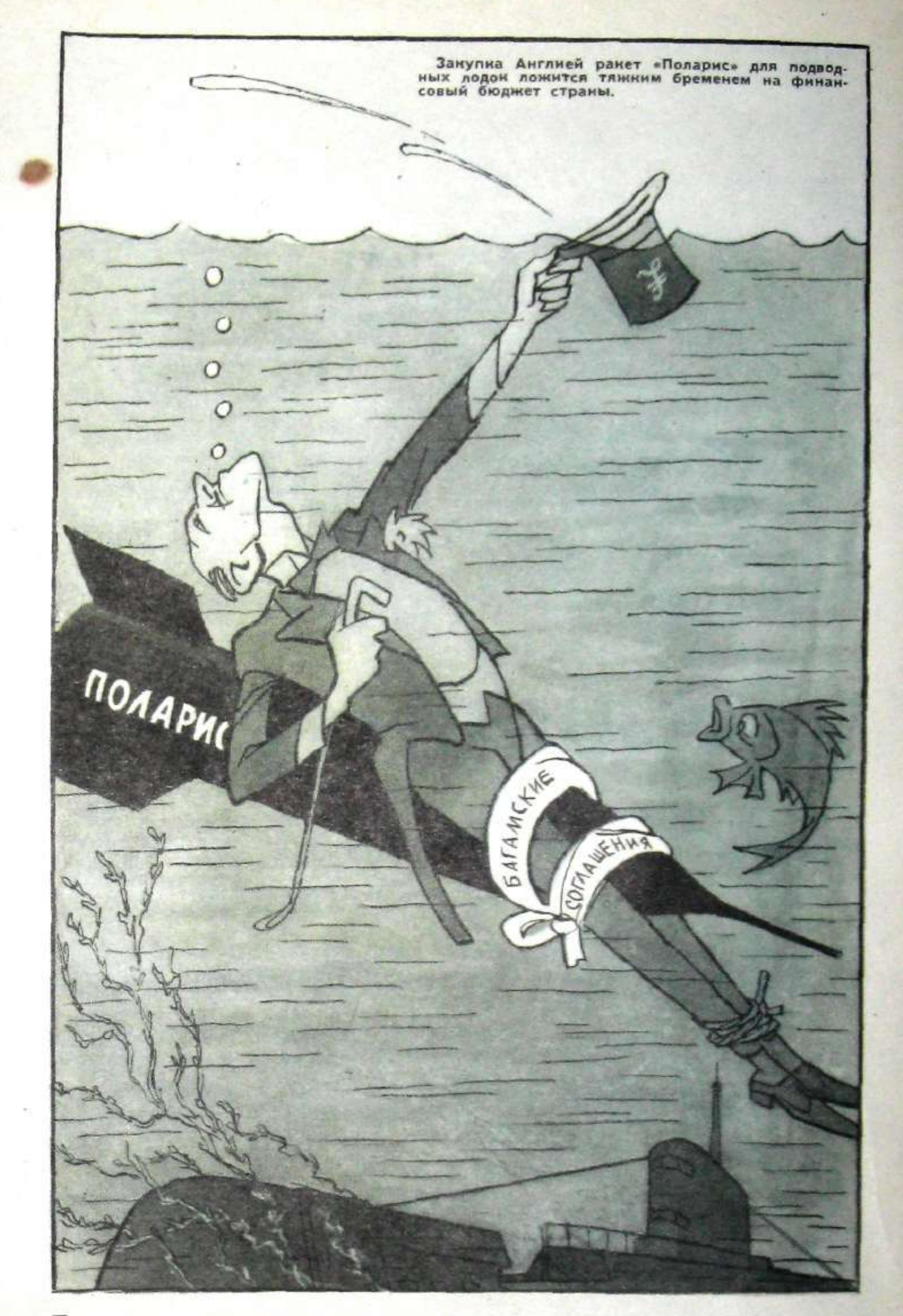
Стоит только будущей гармонически развитой личности ответить положительно на любой из этих вопросов, как его карьеру можно смело променять на стертый цент. Зачем фирме нужен человек, склонный к раздумьям? Пускай остается безработным и раздумывает себе сколько угодно. А бизнесу нужны веселые, энергичные роботы, которые двадцать четыре часа в сутки способствовали бы притоку долларов. Или книги. Служащего должны интересовать только два издания: библия и бухгалтерская книга. Причем первая больше для порядка, поскольку непосредственных дел с господом фирма не имеет. Ну, а о третьем вопросе и говорить не приходится. Боже избави порядочную фирму от анархиста и шизофреника, способного докатиться до того, чтобы целый вечер читать книгу! Такой и подожечь сможет, тьфу, тьфу, тьфу!..

Е. К. Стронг, профессор Стэнфордского университета, изобрел другой тест для тех же целей. Кандидат должен высказать *свое отношение* к таким вещам, как:

длительные прогулки,
симфоническая музыка,
картинные галереи.

И горе тому недоразвитому моральному уроду, который любит хоть что-нибудь из трех предложенных вещей. Нормальный служащий не должен гулять, он должен лишь веселиться в указанное начальством время. А если он — страшное дело! — ходит в консерваторию, то не спутает ли он дебет с кредитом и не начнет ли выстукивать вальсы Шопена на пишущей машинке?

Тест доктора Кудера предлагает кандидату на вакансию посетить на выбор одно из трех мест:

Пошел на погружение...

Рисунок Бориса ЛЕО

музей,
фабрику кассовых аппаратов,
рекламное агентство.

Дурак может взять да и брякнуть, что хотел бы сходить в музей. Умный же знает, что любовь к музеям в Америке ассоциируется с безработицей. Нет, умный тут же сообразит, *что сказать. Он заплачет и возмутится. Он скажет*, что его жестоко обидели таким вопросом. Его, человека, который с грудного возраста мечтал провести половину жизни на заводе кассовых аппаратов, а другую — в рекламном агентстве,— его спрашивают о музее! Да ему, можно сказать, вместо соски давали кассовый аппарат!..

Так не кажется ли вам, мистер Мэрроу, что если большой бизнес и воспитывает американцев, то скорее не в духе гармонически развитой личности, а хорошо смазанного робота? Робота, в чью пустую черепную коробку закладывается составленная хозяином программа, как производственная, так и политическая.

Что же касается «угнетенных» советских людей, то все они, пожалуй, с треском провалились бы по любому из названных нами тестов. Ведь они любят и почитать, и музыку послушать, и погулять, и в музей сходить. Что делать, отсталые мы люди, тестами не пользуемся.

Но как же, уважаемый мистер Мэрроу, все-таки быть с вашим утверждением о гармонически развитом бизнесмене? Или действительно между денежным мешком и роботом по изготовлению долларов существует гармония? В таком случае вы правы...

В ожидании ответа
З. ЮРЬЕВ.

ЗА ДАЛЕМ — ДАЛЬ

То не ветер ветку клонит, не дубравушка шумит, то Платочкин Игорь Савельич хмурит брови и сердито размахивает указательным перстом.

— В нашей стенгазете в меня на днях стрельнули словечком. Кинулся я к словарю Даля проверить, что такое «Помпадур». Что же вы думаете? «Помпа» есть. Это насос. А про «дур» ни звука. И тут-то у меня родилась мысль насчет Даля. Надо его кое-чем дополнить и кое-что разъяснить.

После новой паузы Платочкин, директор издательства «Подметки и рукава» (ПИР), продолжает свою речь:

— Итак, Владимир Даль — составитель словаря. Давайте по отношению к нему проявим инициативу. Никто до этого не додумался, а вот наше издательство для такого дела созрело. Покажем всем, что мы, как сказано у Даля, не лаптем щи хлебаем.

— И на руку охулку не кладем,— добавил Костик.— Это тоже сказано у Даля.

Платочкин косо посмотрел в его сторону.

— Вы еще молоды, Костик, чтоб всовывать реплики в речь руководителя. Продолжаю... Итак, хочу заострить ваше внимание на Дале.

— За Далем — Даль,— произнес Костик театральным шепотом.

— Итак, что я хочу сказать? — продолжал директор.— Словарь *Даля* — это большой научный труд. Не всякому дано разобраться в нем. Такая уйма всяких слов! Нужен путеводитель по словарю.

— Кому? — спросил Костик.— Кому это нужно? И вообще при чем тут наше издательство? Какое отношение мы имеем к словарям? Мы должны выпускать брошюры по ширпотребу. Наше дело — «ПИР» — подметки и рукава.

— Ах, Костик, Костик! — вздохнул директор.— Что мне с вами делать? Ничего не понимаете. Да, вы правы: словарь — не наш профиль...

— И даже не наш фас.

— Не мешайте, Костик. Вы еще молоды, чтоб мешать. Повторяю: да, словари как будто нас не касаются. Но мы свои люди, и я могу откровенно сказать: наши брошюры... того-с...

— Вернее, не того-с...

— Без вас, Костик, знаю, что того-с и что не того-с. На наши брошюры население не набрасывается...

— Набрасываются рецензенты.

— Без вас, Костик, знаю, кто не набрасывается и кто набрасывается. И прошу не вступать со мной в пререкания. Сам знаю, что о нашей книжечке «Штаны как таковые» написали, что ее, видимо, сочинил сапожник... Вот какие дела!.. Тем более, значит, надо налечь на Даля. Человек он проверенный. И, кроме всего прочего, Даль подымет наш авторитет и наш бюджет. Ясно? Товарищ Куделька! Отложите в сторону брошюру о роли жилетки в одежде положительного героя. И доложите ваши соображения.

— Дорогие товарищи! — воскликнул Куделька с энтузиазмом.— Сейчас мы должны дружно бороться за подъем культуры. А словарь Даля хотя и не наш объект, но все-таки культура. Тем более что в словаре немало слов по ширпотребу — говорится и об одежде и об обуви. Тысячу раз прав Игорь Савельич (улыбка и поклон в его сторону): нужен путеводитель. Страна задыхается от отсутствия такого пособия... По поручению Игоря Савельича я поработал над этим вопросом. Мне удалось установить, что в словаре у Даля тридцать пять букв, включая ять, фиту и ижицу. Три последние буквы до сих пор не реабилитированы. Но тем не менее их нельзя игнорировать.

— Особенно ижицу, коли ее пропишут нам.

— Костик, прекратите зубоскальство! Продолжайте, товарищ Куделька.

— Слушаюсь, Игорь Савельич. Итак, тридцать пять букв. Предлагаю: на каждую букву выделить бригаду из пяти человек. Итого, значит, сто семьдесят пять душ. Кроме того, нужен руководящий штаб во главе с Игорем Савельичем — человек двенадцать. Таким образом, включим в работу сто восемьдесят семь сотрудников.

— Маловато! — тяжело вздохнул Костик.

Директор позеленел.

— Тише! — закричал он начальственным голосом.— Тише! Я согласен с докладчиком. Я одобряю его предложение... Бросим на Даля сто восемьдесят семь штатных единиц! Что? Что такое? Кто там шумит? Опять вы, Костик?

— Я пока молчу.

— Кто же шумит? Кто такой?

Ясно и четко, будто хороший диктор, кто-то невидимый произнес:

— Говорит Владимир Даль! Говорит Владимир Даль! Напоминаю, что весь толковый словарь составил я один, одна штатная единица. Весь словарь — от А до ижицы!

Г. РЫКЛИН

ПРОСТО АНЕКДОТ

— Знаешь, я выменял свой саксофон на мотоцикл.

— Не может быть! Где ты нашел такого чудака?

— Не нужно было и искать, сам навязался. Это мой сосед.

* * *

Инспектор останавливает на шоссе машину, мчавшуюся с недозволенной скоростью.

— В чем дело, водитель, почему вы превышаете скорость? — спрашивает он у шофера.

— Видите ли, у меня отказали тормоза, и я стремился быстрее попасть в гараж, чтобы избежать аварии.

* * *

Одного американского юмориста как-то спросили, откуда он берет сюжеты для своих рассказов.

— Я их не выдумываю. Я просто-напросто внимательно слежу за действиями американского правительства и потом точно излагаю факты.

* * *

— Сколько я вам должен за удаление зуба, доктор?

— Сорок долларов.

— Если не ошибаюсь, перед удалением вы говорили о десяти долларах.

— Да, но своими воплями вы спугнули из приемной трех пациентов.

* * *

Самым лучшим врачом я считаю мистера Томпсона. Когда я заболел, меня пользовали пять докторов. Они пичкали меня разными лекарствами и вытянули из меня все мои сбережения. Но легче не стало. Тогда мне посоветовали обратиться к самому лучшему, но зато и самому дорогому врачу — мистеру Томпсону. Я позвонил. Оказалось, что он уехал в Европу. Мне тут же полегчало.

Бракованная марка.

Одинаковые марки разной себестоимости

Марка со штампом.

Уникальная марка.

Ценная марка.

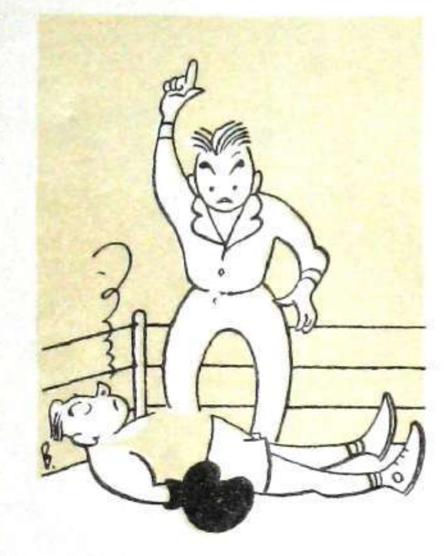
Она же после погашения

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

— Что с ним делать? Твоих проповедей о христианском смирении наслушался!

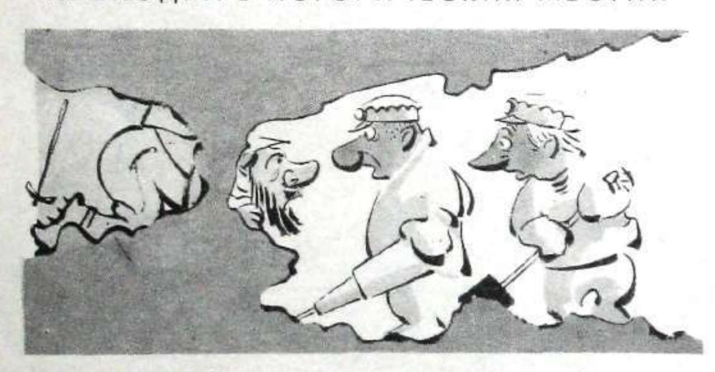
Рисунок И. СЫЧЕВА

Восемь... девять... десять... валет... дама... король...

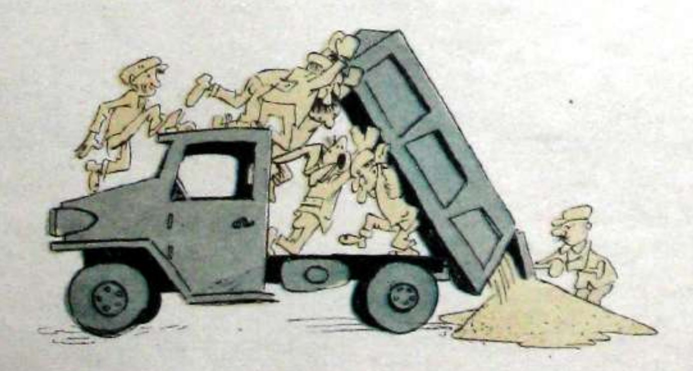
Рисунок М. ВАЙСБОРДА

ПРОХОДКА В ИСТОРИЧЕСКИХ МЕСТАХ

— Тьфу ты! Опять на археолога напоролись!

Рисунок В. ВОЕВОДИНА

Тоже самосвал.

Рисунок Г. АНДРИАНОВА

ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ

В рядах судебных защитников мой друг, адвокат И. Д. Краковяк, занимает особое место. Правильнее даже сказать, что он стоит вне рядов: настолько самобытно и ярко его дарование. Илья Диогенович — сущий клад. Он готов любой ценой (начиная со 150 рублей новыми) не то что отвести, а оторвать напрочь десницу закона, нависшую над повинной головой.

Вот образчик блистательного адвокатского красноречия моего друга Ильи Диогеновича Краковяка:

— Товарищи судьи! Перед вами на скамье подсудимых сидит человек, на которого в силу трагического недоразумения легло черное, как деготь, пятно незаслуженного обвинения. Смыть это пятно — святой долг правосудия, ибо не осуждения, а восхищения достоин мой подзащитный — Гурий Харитонович Залепухин.

Да, мы знаем, что на складе фабрики «Красный ридикюль», где работал мой подзащитный, была обнаружена крупная недостача кожсырья.

Да, мы знаем, что во мраке ночи с 14 на 15 октября Г. Х. Залепухин доставил с фабрики к себе на квартиру два тюка кожи общим весом в 60 килограммов.

Ну и что? Разве эти факты хоть в малейшей степени бросают тень на славное имя Г. Х. Залепухина? Никоим образом!

Поскольку в течение дня Залепухин не успел справиться с огромным объемом работы, он в бурном порыве трудового энтузиазма привез сырье домой. Он намеревался протереть кожи мокрой тряпкой и к утру вернуть их чистыми на фабрику. Вот она, эта тряпочка, товарищи судьи, неопровержимое свидетельство святых побуждений моего подзащитного! (И. Д. Краковяк выдергивает из кармана носовой платок сверхсрочной службы и победно им размахивает.) Прошу приобщить к делу.

Такова неприкрашенная истина. Увы, арест 15 октября помешал Г. Х. Залепухину осуществить его добрые намерения. Но это уже не вина, а беда моего подзащитного.

Далее. Значительную роль в обвинении играют показания свидетеля сапожника Манюни Д. Д. Манюня утверждает, что днем 10 октября к нему на дом пришел Г. Х. Залепухин и спросил: «Тебе кожа нужна?» При этом, по словам Манюни, Залепухин вынул из-за пазухи кусок кожи.

Следствие не задалось вопросом, а почему 10 октября свидетель Манюня Д. Д. находился дома, а не в мастерской. Между тем это обстоятельство имеет решающее значение. Защита располагает неопровержимыми данными о том, что в этот день Манюня Д. Д. находился на больничном листе по причине левостороннего флюса. Г. Х. Залепухин был малознаком с Манюней. Но, узнав о том, что человек попал в цепкие объятия болезни, он ринулся на помощь. По велению сердца, не раздумывая, Залепухин идет к больному и говорит ему: «Тебе нужна моя кожа? Возьми ее!» Все мы читали в газетах о мужественных, благородных людях, которые предлагают свою кожу для пересадки больному товарищу. Мой подзащитный — один из таких людей. В нем есть, я бы даже сказал, что-то от чеховской «Чайки» с ее знаменитым: «Если тебе нужна моя жизнь, возьми ее». Манюня Д. Д., человек мещанского, приземленного мышления, в силу своей ограниченности был не способен догадаться, что лоскут кожи, извлеченный Залепухиным из-за пазухи, был кожей самого Залепухина.

Прокурор. Флюс не лечат посредством трансплантации кожи.

Краковяк И. Д. Вот вам хорошо, вы культурный, товарищ прокурор. А у моего подзащитного нет высшего образования. И на журнал «Здоровье» он не подписан. Он действует стихийно, по зову совести.

Прокурор. Образец кожи, показанный подсудимым свидетелю Манюне, имел черный цвет.

Краковяк И. Д. Это уже интимные подробности, товарищ прокурор, и я не уверен, вправе ли мы их касаться при открытых дверях.

Так отпадает еще один пункт обвинения.

Когда читаешь имеющееся в деле написанное полудетским почерком наивно-трогательное письмо Г. Х. Залепухина к его матери, нельзя поверить, что это письмо вышло из-под пера расчетливого и циничного преступника. «Уважаемая мамаша! — пишет мой подзащитный.— Мне не повезло. Кажись обратно заболеваю. Вроде будут оперировать. На случай послеоперационной диэты прошу вас, мамаша, насушить мне ржаных сухарей. Надеюсь вы будете носить мне в больницу передачи, как и во время прошлой моей болезни. А я уж, как выздоровлю, вас не забуду и отблагодарю. Мамаша, еще прошу беречь, как зеницу ока, мои маленькие серенькие книжечки. Помните, что я собирал эту библиотечку, не жалея ни сил, ни времени».

Товарищи судьи! Мы читаем этот волнующий человеческий документ, и перед нами во весь рост встает образ любящего, заботливого сына и страстного библиофила.

Я прошу суд учесть и то обстоятельство, что мой подзащитный очень молод. Ему не исполнилось еще и пятидесяти двух лет. У него все впереди. Вспомним, что Гете закончил своего «Фауста» в возрасте 82 лет. Можно не сомневаться, что такой талантливый и целеустремленный человек, как мой подзащитный Г. Х. Залепухин, еще напишет своего «Фауста». Если, разумеется, вы не травмируете его легкоранимую душу суровым приговором.

Я прошу оправдать Залепухина Г. Х., хотя бы во имя его будущего «Фауста»!

Я кончил.

М. ВИЛЕНСКИЙ

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«Когда я попросил, чтобы удалили с собрания А. Н. Иванова, так как он был пьян, Кошелев и Пискунов ловко спрятали Иванова под свои авторитетные крылышки. Но Иванов выкарабкался из-под авторитетных крылышек и учинил скандал».

(Из письма в редакцию)
Доставила Н. БАРАНОВА

«Ростовские городские бани сообщают на Ваш № 12992...

Письмо, поступившее к Вам от гр-ки Смирягиной Г. В., является фантазией, но и к фантазии администрация обратила внимание и приняла ряд соответствующих предупреждающих мер.

Директор горбани Куликов».

«Сообщаю, что указанные лица... гр-н Апанасенко И. В., Каракуленков Н. Г. и Безбородов вызывались в райотдел милиции и в отношении содержания поросят и от выше указанных лиц отобраны подписки об уничтожении их на мясо.

За начальника отдела милиции (подпись)».

Прислал Н. ИВАНОВ

г. Ярославль.

«Работники связи честно изо дня в день несли свои обязанности по работе, твердо ступая ногой в завтрашний день...»

(Из письма в редакцию)
Отобрала Н. СЕРЕБРЕННИКОВА

Помогите!

Обычно о редакционных ошибках говорить не любят, а если и говорят, то лишь чеканной прозой приказа: «За проявленную халатность...» Причем проза эта носит в некотором смысле интимный характер, так как предназначена не для широкой аудитории, а лишь для сотрудников, виновника, отдела кадров, изредка для бухгалтерии.

Мы же, к сожалению, вынуждены рассказать о нашей ошибке всем читателям, так как другого выхода у нас практически нет. Впрочем, по порядку. На днях наши художники принесли в редакцию две книжки. Одна называлась «50 лет современного искусства» и напечатана в Брюсселе, другая — сочинение профессора Хельмута Реннерта «Отличительные черты творчества шизофреников», изданная недавно в ГДР.

Репродукции произведений абстрактного искусства и творчество душевнобольных так поразили нас своим сходством, что мы решили напечатать их в Крокодиле. Однако еще до того, как клише были изготовлены, один из сотрудников, которому было поручено написать пояснительный текст, самым непростительным образом затерял где-то обе книги.

Вся редакция, включая уборщиц и курьеров, превратилась в художественных экспертов. Мы разложили перед собой шесть репродукций. Известно было, что три из них — это картины абстракционистов, другие три — картины больных. Кроме того, у нас были выписки, сделанные незадачливым сотрудником. Вот они:

«Признаки шизофренической живописи включают в себя искажение (аморфоз) образного выражения, линейный, плоскостный или фрагментный распад форм. Для критериев содержания характерна беспредметность, бесформенность (аморфность)».

Это, безусловно, из книги профессора Реннерта. Из книги «50 лет современного искусства» были приведены следующие цитаты:

«Картина американского художника Виллема де Коонинга «Новости» характеризуется фигуративной манерой в сочетании с яркой экспрессивностью...»

«Французский художник Альфред Манесье любит чисто абстрактные пластические формы с мистической атмосферой... Такова его картина «Ночь».

«Итальянец Базальделла Афро отличается новой эстетической концепцией абстрактной формы, особенно ярко проявившейся в его картине «Черная хроника».

— Да,— сказали мы друг другу,— ну так где что?

Везде была пластика, мистика, абстракция, экспрессия, аморфоз и аморфность. Но мы не знали, где «Ночь» и где бред безымянных больничных пациентов, не представляли, где «Черная хроника», а где иллюстрации, приведенные немецким профессором.

Позвали знакомого критика, знатока и ценителя абстрактного искусства. Критик прочел наши выписки и воскликнул:

— О, де Коонинг? Это замечательно! Афро? Ново, ново!.. Ба, да еще сам Манесье!

Когда же мы попросили его уточнить, где что, критик перестал восхищаться, сослался на плохую погоду и ушел.

Типография не ждала. Мы признали свое поражение и решили предоставить самим читателям возможность выбора между абстракционистами и сумасшедшими. По теории вероятности кто-нибудь, может быть, и угадает. Ждем писем.

Главный редактор — М. Г. СЕМЕНОВ. Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, М. Э. ВИЛЕНСКИЙ, А. Е. ВИХРЕВ, Б. А. ЕГОРОВ (зам. главного редактора), КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), А. Н. РЕМЕЗОВ (ответственный секретарь), И. М. СЕМЕНОВ, С. В. СМИРНОВ.

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА». Адрес редакции: Москва, А-47, 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. Д 3-31-37. Издательство «Правда».

А 00234. Изд. № 1840. Подписано к печати 29/XII 1962 г. Формат бум. 70×108¹/₈. Тираж 1 700 000 экз. Заказ № 3565. 1 бум. л.— 2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Помогите!

Красноармейская 33 Федорову

Цена номера 12 коп.
70436

